

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра эстетики и философии культуры

Ницше и традиционализм

Дипломная работа студента
4 курса дневного отделения
Крутолапова Дмитрия
Витальевича

Научный руководитель:
д. ф. н., проф. **Соколов Б. Г.**

Санкт-Петербург
2017

Содержание:

Введение.....	3
Глава I. Ключевые понятия и концепты философии Ф.В.Ницше.....	7
§1.Дионисийское и аполлоническое начало.....	7
§2.Воля к власти, сверхчеловек и мораль господ.....	10
§3.Ресентимент и рабская мораль.....	13
Глава II Ключевые понятия и концепты философского традиционализма.....	16
§1.Традиционализм Р.Генона.....	16
§2.Традиционализм Ю.Эволы.....	20
§3.Социально-философские воззрения традиционалистов.....	22
§4. Традиционализм и фашизм.....	29
Глава III.Концепты Ницше в философии традиционализма.....	32
§1. Вечное возвращение и представление о циклическом времени.....	32
§2. Ресентимент и мораль рабов в этике традиционализма. Статус христианства и нигилизм.....	35
§3. Сверхчеловек, мораль господ в этике традиционализма.	
Аристократия.....	41
Заключение.....	44
Перечень использованной литературы.....	46

Введение

Актуальность проблемы. Творчество Ф.В.Ницше многими исследователями признаётся как поворотное для всей западной цивилизации. В XX веке происходило множество попыток политизировать философскую систему великого немецкого философа, что не могло не отразиться на ходе самой истории. Насколько влияние Ницше на современную западную цивилизацию является положительным или отрицательным - до сих пор открытый вопрос, однако, сомнению не подлежит широкая известность и крайняя популярность трудов великого немецкого философа.

Помимо большой культурной ценности для современной цивилизации, философия Ф.В.Ницше представляет большую значимость для таких подразделов философского знания, как этика и философская антропология. И несмотря на большую оригинальность ницшеанских идей, схожие мотивы в подобных сферах можно обнаружить и в творчестве других писателей, как например у М.Штирнера, точка зрения на подобие идей которого с идеями Ф.Ницше является общепринятой.

Философия Ницше литературна, в центре её стоит фигура человека. Сам же Ницше в своих работах занят скорее критикой современного ему человека и человечества, нежели разработкой точных понятий и методов, которыми могла бы воспользоваться наука или философия. Сама же философия Ницше строится вокруг нескольких основных мотивов среди которых можно выделить концепцию аполлонического-дионасийского, волю к власти, сверхчеловека, ресентимент и идею вечного возвращения.

Ницше также не стремился и к политизированию своей философии. Однако, как мы знаем, попытки политизировать его наследие предпринимались многократно. В частности наиболее известна та ситуация, когда нацисты включили в поле своей идеологии понятие сверхчеловека, которое, однако, они понимали биологически, а не в морально-волевом отношении, как это было у самого Ницше.

В творчестве Ницше мы можем выделить несколько основных мотивов, таких как вечное возвращение, мораль господ и мораль рабов, сверхчеловек и воля к власти. Однако, подобные мотивы были также восприняты и философским течением традиционалистов, среди которых Юлиус Эвола фиксировал поразительное сходство основных идей традиционализма с концептами Ф.В.Ницше.

Философский традиционализм рассматривал все религиозные системы, любые мифологические представления как нечто что проистекает из единого объективного источника. Этот источник они называли «примордиальной» традицией. Философы традиционализма посвящали свои работы раскрытию связи и множества параллелей между разнообразными и даже изолированными друг от друга религиозными традициями. Подобные изыскания привели первых философов традиционалистов к представлениям о фундаментальном отличии языка традиции от языка современности или модерна. Традиция описывала мир на экзистенциальном уровне и на языке человеческой воли, она давала человеку дисциплину, внутреннюю стойкость и свободу. Язык современности же, который конструировался в новое время, занимается только лишь редукцией сложного к примитивному, внутренний мир человека описывается теперь не на языке его воли и внутренней свободы, а лишь жёсткими причинно-следственными связями. Сам метадискурс современности выставляет человека рабом его гормонов, психических процессов сводя их, в свою очередь лишь к движению материи и феноменам физического мира. Человек перестаёт принадлежать самому себе. В человеческом языке произошла фундаментальная перестановка акцентов, если раньше низшее описывалось через высшее, то сегодня всё происходит ровно наоборот.

Основателем традиционалистского дискурса является французский философ Рене Генон, однако, Юлиус Эвола направляет его в политическое русло, тем самым закладывая фундамент для крайне консервативных движений в Европе. В то же время, Эвола и обнаруживает схожесть

ницшеанских мотивов с ценностями традиционализма. Традиционные культуры воспринимали время циклично, а не линейно, ту же самую мысль проводил Ницше же в своих трудах преподнося её как идею о вечном возвращении. Ницше заявлял что ресентиментная мораль набирала обороты в современном ему обществе, точно так же традиционалисты рассматривали любые идеологии XX века как ментально рабские по своей сути, так как они всегда обращались к своим слушателям как к рабам капиталистов или коммунистов, как к рабам церкви или евреев и так далее. Других идеологий в XX веке просто не существовало.

Гораздо сложнее обстоит дело с ницшеанским сверхчеловеком. Традиционалисты не используют такой термин, однако, они всё же говорят о том типе человека, которого хотели бы видеть. Современный человек - это тот, кто поддался духу современности, тот кто поддался экономическому мышлению и рабским идеологиям, культу материи и массовой культуре. Следовательно, человек традиции в условиях современности - это тот, кто проигнорировал или даже презрел всё вышеперечисленное и добровольно обратился к религиозной мудрости. Таким образом, у традиционалистов сохраняется ницшеанский момент переоценки ценностей, совершающийся в пределах одной личности. По Ницше такого человека можно было бы назвать сверхчеловеком, однако, у традиционалистов, аналогичная фигура обращается к религии и начинает следовать религиозной догматике, но они делают акцент на том, что как и у ницшеанского сверхчеловека, должно сперва состояться преодоление рабской морали и слепого следования духу современности.

Степень разработанности проблемы. Можно утверждать что философские труды Ф.В.Ницше и его биография являются хорошо изученными, с другой стороны, также можно сказать что на сегодняшний день философия традиционализма набирает популярность в России, однако, не проводилось практически никаких исследований концептуальной взаимосвязи традиционализма и философии Ницше. На подобие идей

ницшеанства и традиционализма указывал ещё Ю.Эволя, однако, итальянский философ сам использовал ницшеанскую терминологию для прояснения ключевых моментов философии традиционализма. Данное же исследование посвящено более масштабному освящению концептуальных связей между двумя философскими учениями, не сводимое лишь к анализу заимствований понятий Ю.Эволой, но включает также в себя раскрытие мотивов в философии Р.Генона созвучных с ницшеанством.

Цель работы - сопоставить философские концепции Ф.В.Ницше и философов-традиционалистов (Р.Генона и Ю.Эволы) и найти общие элементы и общие мотивы свойственные для учений вышеперечисленных философов.

Поставленная **цель** предполагает последовательное решение следующих задач исследования:

- Обозначить стилистические сходства и различия двух философских концепций
- Рассмотреть ключевые концепты вышеперечисленных философских течений
- Показать происхождение ключевых понятий традиционализма из философской системы Ф.В.Ницше

Глава I. Ключевые понятия и концепты философии Ф.В.Ницше

§1. Дионисийское и аполлоническое начало

Дионисийское и аполлоническое начала являются фундаментальными категориями философии Ф.В.Ницше, которые он использует для демонстрации особых стихийных уровней в греческой культуре. Сам Ницше начинает их описание со следующих слов: «Чтобы уяснить себе оба этих стремления, представим их сначала как разъединённые художественные миры *сновидения и опьянения*¹. Таким образом, аполлоническое трактуется Ницше как иллюзорное, но с другой стороны, также и как привносящее порядок. Всё, что есть у человека как носителя цивилизации - аполлоническое. Однако, Ницше не рассматривает иллюзорность как нечто негативное, наоборот, ей могут быть даны и положительные оценки: «Но как философ относится к действительности бытия, так художественно восприимчивый человек относится к действительности снов; он охотно всматривается в них: ибо по этим образам он толкует себе жизнь, на этих событиях готовится к жизни»².

Дионисийское же - это, в первую очередь, первобытное состояние человека, состояние единения с природой, в котором человек не отделяет своё бытие от бытия природы. Сам Ницше описывает данную связь следующими словами: «Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчуждённая, враждебная или порабощённая природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном - человеком»³.

С аполлоническим Ницше также связывает рационализацию. Это измерение - измерение иллюзий постольку, поскольку оно выдумано, сочинено человеком. Аполлоническое - область культуры и всякой

¹ Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Пер. с нем. Г.А.Рачинского. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - 43 с.

² Там же. 44 с.

³ Там же. 47 с.

интерпретации. В противоположность ему, дионисийское - область ускользающая от любой интерпретации, свободная от оценок и порядка. Однако, по Ницше человек немыслим без существования обеих из упомянутых областей.

Ницше обозначает дионисийское и аполлонические начала в честь древнегреческих олимпийских богов. Аполлон является солнечным, небесным божеством, его отец - Зевс. Аполлон сменяет бога Гелиоса, который также символизировал солнечное. С другой стороны, он способен видеть будущее, ему отведена роль предсказателя. И Ницше упоминает об этом в «Рождении трагедии из духа музыки»: «Аполлон как бог всех сил, творящих образами, есть в то же время и бог, вещающий истину, возвещающий грядущее»⁴. Дионис же олицетворяет собой земное. Он является богом плодородия, покровителем растительности, земледелия, виноделия. Его символизирует виноградная лоза. Дионис — бог веселья, радости, буйства. Оба упомянутых божества символизируют противоположность небесного и земного начал.

Ницше использует аполлоническое и дионисийское начала для демонстрации художественного творчества как отношения человека к миру. По Ницше, такое художественное отношение к миру можно выразить аналогиями сна и опьянения. Каждое из этих состояний помогает человеку преодолеть раздробленность окружающего мира, однако, со своими нюансами. Сон навязывает человеку восприятие мира в терминах времени и пространства. Здесь человек обманывается иллюзиями красоты, совершенства и порядка. Данный мотив Ницше перекликается с мотивом «покрывала Майи» в творчестве А.Шопенгауэра. Опьянение же заставляет человека сбросить оковы собственной единичности, отчуждённости от природы и вернуться к первоединому, которое Ницше отождествляет с вечно становящейся и преисполненной страдания жизнью. В обоих случаях человек испытывает некое блаженство. В случае с миром аполлонического, то есть

⁴ Там же. 45 с.

сна, человек примиряется с фактом своего индивидуального существования. В случае же с дионисийским опьянением, он осознаёт смертность и уничтожимость индивида, однако, прикасаясь к настоящей, истинной сущности жизни.

Мотивы дионисийского и аполлонического являются одним из самых первых философских концептов Ницше. Они являются фундаментальными для его философии. С них начинается этика ницшеанства.

§2. Воля к власти, сверхчеловек и мораль господ

Другим важным концептом Ницше является **воля к власти**. Воля к власти - это постоянное стремление человека к преодолению собственной слабости, ограниченности. Это постоянное накопление силы и энергии. По Ницше не существует человека абсолютно без воли к власти, однако, имеет место быть такой ситуации, когда сама воля к власти выражается не столь полно. Наиболее полноценно же воля к власти раскрывается в фигуре сверхчеловека. **Сверхчеловек** же - это лицо, отбрасывающее всё, что могло бы его тормозить в накоплении силы и энергии. Воля к власти в сверхчеловеке также выражается в постоянном стремлении к любой экспансии.

Сверхчеловек использует мораль для того чтобы она служила ему, а не ограничивала его или делала несвободным. Отсюда вытекает произвольное отношение сверхчеловека к морали, он отбрасывает ту или иную моральную систему, когда начинает понимать, что она исчерпала себя.

С идеей сверхчеловека в творчестве Ницше неразрывно связана мораль господ, которая выражается в чувстве дистанции: «Источником контраста «хорошего» и «дурного» является, как сказано, чувство знатности и расстояния, продолжительное и преобладающее общее и основное чувство высшего господствующего рода по отношению к низшему роду, к чему-то «низшему»⁵. Ницше даже склонен считать что подобный властный инстинкт мог послужить отправной точкой зарождения и развития человеческого языка: «<...> они запечатлевают известную вещь и действие звуком и тем самым вступают во владение ею»⁶.

Ницше также указывает что такие слова как «добрый» и «благородный» находятся в неразрывной связи во многих языках, при том

⁵ Ницше Ф. Генеалогия морали / Пер. с нем. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. - 18 с.

⁶ Там же 18 с.

слово «благородный» предшествует понятию «добрый». Точно в такой же связи между собой находятся слова «плебейский» и «дурной».

Ницше приходит к выводу что всё живое движимо благодаря воли к власти. Это фундаментальное и краеугольное понятие для всей философии Ницше. Лишь воля к власти является основополагающим импульсом всех наших действия и она является единственным их источником. Сам мир истолковывается немецким философом как испытывающий волю к власти, находящийся в подчинении у неё. Воля к власти может быть выражена политически, однако, Ницше описывает её как нечто гораздо более широкое нежели политическая власть. Сама власть, в первую очередь - не политический феномен. Ницше обнаруживает, что там где есть жизнь, всегда неизбежно будет присутствовать и воля к власти.

Ницше само бытие определяет через волю к власти. Он утверждает, что воля к власти - это постоянная борьба жизни, стремящаяся поддерживать лишь саму себя. Она не тождественна воли индивида. Однако, воля к власти может быть как свободной (положительной), так и негативной. Например, в тех случаях когда живое существо стремится избежать опасности.

Воля к власти объективна, она не является волей конкретного существа, скорее воля существа является частным примером такой воли. Воля власти проявляется через волю конкретных индивидов. Она может проявляться множеством путей, при том это может быть не обязательно путь стремления к осозаемой силе и прямому доминированию. Воля к власти может даже отвергнуть путь прямого приумножения власти. Так, по Ницше, подлинное могущественные фигуры, на примере Наполеона и Чезаре Борджиа не основывали свою власть на силе. В случае Наполеона - это была природная харизма, когда у Борджиа власть выражалась в умении плести интриги и быстро приспосабливаться к изменяющейся политической обстановке в итальянских городах-государствах.

Воля к власти - объективное свойство реальности, пронизывающее всё живое. Этим свойство обладают не только сильные, но и слабые. Воля к власти фундаментальна, под этим подразумевается что любые стремления не будут являться для неё чем-то внешним, скорее они будут одним из выражений самой воли к власти. Так, например, желание утолить голод, половой инстинкт и даже страх - всё это будет являться различными выражениями такой фундаментальной воли. Любые побуждения так или иначе будут являться ипостасями воли к власти. Она не есть то чем располагает человек, скорее мы сами и есть воля к власти.

§3. Ресентимент и рабская мораль

По Ницше, человек с рабской моралью - это тот, кто связывает свои неудачи с другими людьми. Такой человек не порождает никаких новых ценностей, в противоположность сверхчеловеку. Так же в отличие от сверхчеловека, подобное лицо не относится творчески к ценностям, он всегда находится внутри какой-либо внешней моральной системы и не рефлексирует по поводу её наличия.

Само же чувство лица с рабской моралью по отношению того, кто в чем-либо превосходит его, Ницше называет **ресентиментом**. Немецкий философ утверждает, что задача человека состоит в том, чтобы преодолеть ресентимент, освободиться от рабской морали, тогда становится возможна эволюция человека до сверхчеловека. Для внесения ясности в дальнейшее сопоставление писателей, стоит отметить, что Ницше утверждает, что сама подобная эволюция от человека к сверхчеловеку возможна как на индивидуальном, так и на общечеловеческом, видовом уровне.

В своей работе «Генеалогия морали» Ницше биологизирует понятие ресентимента, для него он скорее является реакцией на внешнее раздражение. Иными словами, ресентимент не возникает сам по себе. Сам немецкий философ раскрывает работу ресентимента как рабской морали следующим образом: «Мораль рабов для возникновения своего всегда нуждается первоначально во враждебном внешнем мире, она нуждается, говоря физиологически, во внешнем раздражении, чтобы вообще действовать - деятельность её в основе своей является реакцией»⁷. Сама же рабская мораль возникает лишь тогда, когда ресентимент обретает творческую силу. Однако, рабская мораль не способна проявиться как непосредственное действие против угнетения и её сущность выражается в том что её субъект удовлетворяется «воображаемой» местью.

⁷ Ницше Ф. Генеалогия морали / Пер. с нем. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. - 32 с.

Большое внимание философия Ф.В.Ницше уделяет христианству. По мнению немецкого философа, она представляет собой тайный бунт угнетённых народов против римской власти. Ницше повествует, что христианство выразилось как бунт именно еврейского народа: «Аристократическое уравнение ценности (хороший, знатный, могучий, прекрасный, счастливый, любимый богом) евреи сумели с ужасающей последовательностью вывернуть наизнанку и держались за это зубами безграничной ненависти (ненависти бессилия)»⁸.

Таким образом, через две тысячи лет европейская цивилизация оказывается под полным влиянием ресентимента. Христианская любовь оборачивается изощрённым чувством мести и забвением благородных идеалов. Ницше описывает подобный процесс метафорой отравления и называет саму церковь источником этого яда.

Для человека ресентимента особое значение имеет ум, так как подобной «породе» людей приходиться искать обходные пути для реализации своей морали. Благородной же человек относится к уму как к некой роскоши, так как благодаря своим здоровым инстинктам он способен обеспечить себе счастливое существование. Здоровый человек, по Ницше подобен хищному зверю, у которого хорошо работают инстинкты, однако, выходит так что культура оборачивается против подобного здорового человека: «Допустив справедливость того, что во всяком случае теперь считается «правдой», что именно смыслом всякой культуры является воспитать из хищного зверя, «человека», ручное, цивилизованное животное, все те инстинкты реакции и ressentiment'a, с помощью которых посрамлены и побеждены благородные поколения вместе с их идеалами, пришлось бы рассматривать как орудия культуры»⁹. По Ницше, подобный негативный, подавляющий аспект культуры скорее направляет человека против самой ресентиментной культуры. Так же немецкий философ отказывается видеть в этом проявление

⁸ Там же. 27 с.

⁹ Там же. 39 с.

подлинной культуры и называет подобное её состояние регрессом, упадком, деградацией.

В заключительном труде своей жизни, Ницше несколько изменяет свой взгляд на рабскую мораль, он начинает рассматривать её как одно из проявлений воли к власти. Однако, воля к власти «рабов», оказывается противопоставлена воле к власти их господ: «Мораль, следовательно, учила глубже всего ненавидеть и презирать то, что составляет характернейшую особенность ихластителей: их волю к власти»¹⁰. Но при таком рассмотрении, рабская мораль перестаёт быть сугубо негативным явлением. Положительным в ней оказывается тот аспект, что она выступает как некая компенсация за слабость, за невозможность «разобраться» со своим противником: «Если бы страдающий, угнетённый человек потерял веру в своё право презирать волю к власти, он вступил бы в полосу самого безнадёжного отчаяния»¹¹.

¹⁰ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. - 62-63 с.

¹¹ Там же. 63 с.

Глава II. Ключевые понятия и концепты философии традиционализма

§1. Традиционализм Р.Генона

Традиционализм - философско-идеологическое течение, образовавшееся в начале XX века и основанное французским философом Рене Геноном. Он рассматривал традиционное общество как самоценное, в котором традиция обеспечивала единый источник смыслов, социального порядка, культуры, этических и религиозных представлений. Современность же мыслилась Геноном как эпоха распада, деградации, увядания и упадка традиционных смыслов. Прогресс же представлялся как сила направленная против традиции. Традиционализм противопоставляет своё воззрение материалистическому миропониманию и утверждает самоценность любых систематических религиозных воззрений. Также отправным пунктом традиционализма как идеологии является убеждение, что подлинное традиционное знание - удел закрытых сект, орденов, каст или элит, в противоположность массовым формам традиционного знания которое всегда будет неизбежно страдать от упрощения и нести большие смысловые потери в такой ситуации.

Генон указывал на то, что понятия традиции и цивилизации могут восприниматься как тождественные, однако, традиционалисты могут согласиться с данным утверждением лишь в отношении цивилизаций востока, т.к. во времена творчества Генона восточные цивилизации всё ещё являлись обществами традиционного склада. Однако, в отношении остального мира и в частности мира западного, данное отождествление некорректно и французский философ описывает данное обстоятельство следующим образом: «Что же касается цивилизации Запада, то она, наоборот, утратила свою связь с традицией, можно сказать, полностью, если не считать религиозного элемента, который лишь в самой незначительной степени эту

связь ещё сохраняет»¹².

Также важным для геноновской философии представляется концепт «примордиальной традиции». Традиционалисты склонны считать, что все традиции имеют единый трансцендентный источник и имеют больше общего между собой, нежели различного. Именно поэтому философы данной философской школы уделяют значительную часть своих работ сопоставляя различные религиозные традиции и мифологические представления, выделяя в них общие мотивы в символизме, метафизических представлениях, религиозной иерархии и воззрениях на надлежащее устройство общества. Однако, так как традиционалистов больше интересует точка зрения присущая именно миру традиции на окружающий мир, то частные вопросы, т.н. современного материалистского воззрения на происхождение религий их не интересуют вовсе. Жан Урсен в одной из своих работ, посвящённых Р.Генону, фиксирует этот момент: «Что касается происхождения самой этой примордиальной традиции, происхождения «не-человеческого», стало быть «над-человеческого», то его следует рассматривать под двумя углами зрения: первый, историко-географический, и второй, интеллектуальный. Генон весьма немногословен в вопросе о «конкретности» этого происхождения. Совершенно ясно, что эта сторона дела имеет для него второстепенное значение»¹³.

В творчестве Генона прослеживаются и апокалиптические мотивы. «<...> вера в бесконечный «прогресс», считавшаяся вплоть до последнего времени неприкосновенной и непрекаемой догмой, перестаёт быть

¹² Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / Пер. с фр. В.Ю.Быстрова - СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. - 21 с.

¹³ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть = Autorité spirituelle et pouvoir temporel / Рене Генон: к пониманию одного сложного человека = René Guénon: Approche d'un homme complexe / Жан Урсен; [пер. с фр. Н. Тирос]. - Москва.: Беловодье, 2015. - 145 с.

абсолютной и всеобщей»¹⁴. Вслед за Шпенглером, Генон также предсказывает крах западной цивилизации, однако, он обосновывает свои выводы совершенно другими причинами. Если Шпенглер утверждал, что любая форма культуры может жить около тысячи лет и далее исчезает по объективным, т.е. природным причинам, то Генон утверждает что западная цивилизация прогресса и материализма обречена исключительно по её духовным, а точнее анти-духовным, анти-традиционным основаниям. Современность характерна также тем что это не только время расцвета атеизма, но и псевдо-религий, на что Р.Генон обращает большое внимание и пытается отделить подлинный традиционализм от веяний и духа эпохи.

Однако, «деградацию» Запада Генон связывает не только с культом прогресса, нарастающим материализмом и атеизмом. Упадок традиционного знания в Европе начинается ещё с эпохи возрождения. Эпоха Возрождения полностью сменила акценты, которые до этого были расставлены в христианской религии. Возрождение низвело религию до чисто человеческого уровня. Отныне человек помещался в центр вселенной, а не Бог. В частности, Генон связывает эту ситуацию также со становлением возрожденческого гуманизма: «Гуманизм представлял собой первую форму того, что впоследствии стало современным «лаицизмом» - чисто секулярным, светским мировоззрением»¹⁵.

Французский философ проводит параллели между кризисным состоянием человечества, которое поработил материалистических дух западной цивилизации с индийской эпохой «Кали-юга». В индуизме эта эпоха трактуется как время крайне деградации человечества, культуры, упадка религиозной традиции, забвения морали. Традиционалисты обращают внимание на то что время в религиозных и мифологических традициях

¹⁴ Генон Р. Кризис современного мира. Перевод Н.В.Мелентьевой под редакцией А.Г.Дугина.

Послесловие - «Пророк Золотого Века» А.Г.Дугина. - М.: Историко-религиозная ассоциация «АРКОГЕЯ», 1991. - 10 с.

¹⁵ Там же. 24 с.

рассматривается циклично. За эпохой упадка всегда приходит золотой век. И это мы можем увидеть также и в индуистской традиции. По Генону, это обозначает что кризисный период современной цивилизации неизбежно будет завершён и что после него наступит время нового расцвета традиционного знания. Французский философ видит этот момент и в индуистской религиозной доктрине, в своих выводах он опирается именно на неё: «В то же время индуистская традиция утверждает, что сокрытое вновь станет видимым в конце цикла, который, в силу непрерывности, связывающей между собой все вещи, одновременно окажется и началом нового цикла»¹⁶

¹⁶ Там же. 15 с.

§2. Традиционализм Ю.Эволовы

Юлиус Эволова рассматривал понятие «традиция» во множестве аспектов. Так, он не даёт единственно верного ответа на этот вопрос, но утверждает, что термины "традиция" и традиционализм в частности могут быть поняты с совершенно разных позиций.

Как и Генон, Эволова противопоставляет мир традиции современности. Это не только особые типы эпох, но также и два разных типа цивилизаций, находящихся в оппозиции друг другу: «Современный мир и традиционный мир могут быть рассмотрены как два универсальных типа и две априорных категории цивилизаций»¹⁷. Это означает что описание той или иной человеческой цивилизации может быть сведено только к одному из двух вышеперечисленных типов, различия между которыми фундаментальны. Современности свойственна утрата традиционных смыслов, а также борьба против любых иерархий, поиск неких универсальных научных смыслов, которые основываются на материалистическом миропонимании. Традиционному мировоззрению же свойственно чувство иерархии, чувство сакрального, объяснение природы мира в терминах мифа и религии, посредством ссылки на духовное, божественное или лежащее вне мира. В традиционном мире же человек воспринимается как обладающий уже заданной ему природой, судьбой.

Философский традиционализм Эволовы выделяется на фоне традиционализма Генона тем, что итальянский философ пытается политизировать традиционалистский дискурс. Именно этим объясняются его попытки инкорпорировать традиционалистские идеи в фашистский дискурс. Однако, нельзя сказать, что Эволова принимал фашизм полностью. Скорее он воспринимал это движение как наиболее близкое к традиционализму, но крайне несовершенное. Итальянский философ после второй мировой войны

¹⁷ Эволова Ю. Восстание против современного мира - М.: Прометей, 2016. - 12 с.

пишет труд¹⁸ в котором он разграничивает определения традиционализма и фашизма, а так же указывает на те моменты, которые традиционализм мог рассматривать в фашистской системе как положительные.

Политизация философии Эволой выражается также в том, что в отличие от Генона, итальянский философ чаще обращает своё внимание на то, что происходит в политической жизни общества у него на глазах. Он склонен давать этому оценки как философ. С другой стороны, объектом его критики становится не только современный мир во всей его объёмности, а конкретные его явления, в том числе и политические движения. Так, например, он анализирует буржуазное общество: «<...> невозможно было отрицать глубинного экзистенциального кризиса, вызванного попыткой буржуазной цивилизации «рационализировать» существование. Свидетельством этого стали многочисленные прорывы иррационального и «стихийного» (в смысле стихийных сил природы) сквозь трещины этой цивилизации во всех сферах жизни»¹⁹.

Можно утверждать что Эвала политизирует традиционалистский дискурс и детализирует геноновскую критику современного общества. С другой стороны, он также начинает активнее обращаться к мифологии, к поиску тождественных элементов в разных мифологических представлениях, легендах. Так, например, одну из своих работ он посвятил изучению мифа о Граале²⁰.

¹⁸ Эвала Юлиус / Фашизм: критика справа. - М.: Опустошитель, 2015. - 282 с.

¹⁹ Там же. 27 с.

²⁰ Эвала, Юлиус Мистерия Грааля. - воронеж: TERRA FOLIATA, 2013. - 216 с.

§ 3. Социально-философские воззрения традиционалистов

Как говорилось выше, традиционалисты считали традиционное знание уделом закрытых каст и потому полагали кастовое разделение общества - его наиболее здоровой формой. В этом отношении, их можно считать современными платониками. Традиционалисты видели общество разделённым на четыре касты: брахманы-священники, кшатрии-войны, вайшии-предприниматели и шудры-рабочие. Генон утверждает, что это разделение заложено в природе самих людей: «Принцип института каст, совершенно не понятый людьми Запада, есть не иное, как принятие естественного различия, существующего между людьми и устанавливающего между ними иерархию, непризнание которой может вести лишь к беспорядку и смешению»²¹. По Генону, кастовость сама по себе не является некой предзаданностью наследуемой у родителей, она базируется на естественном различии всех людей и их предрасположенностях: «Слова, которые служат в Индии для обозначения каст, не подразумевают ничего иного, кроме «индивидуальной природы»»²². С другой стороны, несмотря на жёсткость кастовой системы, она не является самоцелью для традиционалистов и они признают, что она не всегда правильным образом фиксирует те естественные различия между людьми о которых говорят традиционалисты: «И следует сразу же добавить, что наследственность лишь частично определяет эти черты, <...> так что кастовая принадлежность в принципе не является строго наследственной, хотя чаще всего она становилась таковой на практике»²³.

Индийская кастовая система является эталоном для философов-традиционистов, что можно видеть в их терминологии и множестве

²¹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть = Autorité spirituelle et pouvoir temporel / Рене Генон: к пониманию одного сложного человека = René Guéno: Approche d'un homme complexe / Жан Урсен; [пер. с фр. Н. Тирас]. - Москва.: Беловодье, 2015. - 16 с.

²² Там же. 17 с.

²³ Там же. 17 с.

отсылок к ней. В своих исследованиях, они сравнивают любую иерархическую систему именно с кастовой системой Индии, находя её наиболее наглядной для любого сравнения и наиболее выразительной. С другой стороны, можно утверждать что именно древнеиндийская культура являлась некой осью, на периферии которой позже складывались другие мировые индоевропейские культуры и ввиду её первоначалия, именно индийская кастовая система представляет для традиционалистов особый интерес. Также нельзя не отметить тот факт, что в отличие от древнеегипетской цивилизации, от цивилизации древнеиндийской сохранилось гораздо больше письменных источников, а религиозные системы современной Индии претерпели наименьшие изменения с самого момента их основания по сравнению с любыми другими религиозными системами.

Сам кастовый строй характерен тем что у власти находится элита, обладающая сакральным божественным знанием или брахманская каста. Во главе государства стоит верховный жрец и примером здесь будет являться император Римской империи, который в свою очередь являлся и самым главным жрецом. В настоящем традиционном обществе, как по Генону, так и по Эволе, у власти должны находиться именно они. Основной функцией жреческой власти является связь с трансцендентным, с вечностью. Власть священства не имеет ничего общего с так называемыми «материальными» формами власти, так как она стоит на совершенно других основаниях: «<...> духовное владычество, внутреннее по самой сути своей, утверждается только через себя самое, независимо от всякой чувственно осязаемой опоры, осуществляется в некотором роде незримо»²⁴.

Однако, с течением времени против касты брахманов восстает каста кшатриев или воинов, и традиционалисты дают тому многочисленные примеры. Самым ярким и масштабным примером является история средневековой Европы, когда отдельные монархи, рыцарского

²⁴ Там же. 26 с.

происхождения, например, император Священной Римской империи, оспаривали верховенство у Папы римского. Совершенно очевидно, что с течением времени средневековые князья одержали верх над религиозной властью, сам параллелизм существования светской власти короля и религиозной власти Папы Римского в Европе нам хорошо демонстрирует такую ситуацию. В то же время Генон утверждает, что фигура князя, короля и царя в средневековой Европе - это по сути фигура воина: “<...> мы видим, что царская власть является синонимом мирской власти, даже если понимать её во всей её обширности”²⁵. Здесь Генон подразумевает, что власть воинов мирская в том смысле поскольку она - не “священная”, то есть уже не брахманская.

Каста кшатриев примечательна для традиционалистов тем что когда представители касты воинов узурпируют власть в обществе, тотального забвения традиции не происходит. Кшатрии в иерархии соседствуют с брахманами, брахманы же как представители духовной власти передают часть сакрального знания воинам. В итоге когда у власти оказываются кшатрии, то в традиции начинает доминировать именно та её часть, которая была передана кшатриям. Генон упоминает о том что брахманы адаптируют некоторые составные части традиции для восприятия их кшатриями: “Существуют даже традиционные книги, специально предназначенные для кшатриев, потому что они представляют аспекты доктрины, адаптированные к их собственной природе, <...>”²⁶. Кшатрии же начинают переписывать всё традиционное знание с точки зрения своей части знания, что приводит к нарушению изначальной иерархии или гармонии священного знания. В худшем случае такая ситуация может обернуться восстанием кшатриев против любого традиционного знания, которое не было передано им брахманами. Узурпация власти кшатриями представляет собой первый этап деградации традиции, однако, сами традиционалисты заявляют, что при

²⁵ Там же. 27 с.

²⁶ Там же. 31 с.

власти воинов традиция скорее есть нежели её нет, но существует в искажённом и ограниченном виде.

Бунт кшатриев оборачивается первым этапом искажения привычной иерархии. Власть духовенства становится ограниченной, однако, всё ещё оказывает огромное влияние на жизнь общества, что мы видим на примере европейских средних веков. Сама иерархия становится более зыбкой, уже не идёт речь о кастовом обществе, в отношении средневековой Европы же можно заявлять что она пришла к сословному типу общества, но традиционалисты утверждают что к нему всё ещё применимы мерки кастового общества, так как сохраняется традиционное деление на четыре вышеупомянутые страты. Поэтому можно утверждать что общество европейских средних веков - это традиционное общество.

Восстание кшатриев происходило не только в Европе и в этой связи можно упомянуть средневековую Японию, поделённую на множество враждующих между собой самурайских (а следовательно и воинских) кланов при слабой, деградировавшей императорской власти. Как на примере Европы, так и на примере Японии, мы можем наблюдать феодальную раздробленность характерную для той эпохи, как эпохи доминирования ценностей кшатриев в их обществах. Подобная оценка соответствует взглядам традиционалистов, которые считали что главенство той или иной касты определяет не только степень проникновения религиозного духа в обществе, но и формирует лицо эпохи в соответствии с ценностями и ментальностью доминирующей касты. Именно поэтому, европейские и японские средние века отличались всплеском воинственности, выражавшейся в феодальной раздробленности и постоянном противостоянии воинствующих князей, так как сама политика стала вестись в терминах и понятиях воинских ценностей.

Бунт кшатриев оборачивается дальнейшей деградацией традиции и открывает путь к восстанию купцов-вайшьев. Генон отмечает что в истории Европы с этим процессом можно отождествить Великую французскую

революцию. Однако, можно смело утверждать что в отдельных обществах узурпация власти торговой элитой случалась и до 1789 года. Например, мы знаем о существовании Генуэзской и Венецианской торговых республик в позднем средневековье, но в случае этих республик, власть торговцев в средневековой Европе была скорее исключением нежели правилом.

Но самих традиционалистов волнует скорее то что происходит с традиционным знанием и ментальностью самих людей в условиях деградации прежнего социального строя. При узурпации власти торговцами начинает доминировать торговое, экономическое мышление, любое отличие начинает сводиться не к качественным духовным, а лишь к числовым материальным характеристикам. Изменяется даже характер войн, так как отныне они начинают обосновываться чисто экономическими соображениями. Эпоха доминирования торговцев - та эпоха, когда традиция уже практически полностью утрачивает свой главенствующий статус. Если воинское сословие апеллировало к традиции в том как оно само его понимало, то торговое сословие не интересуется традицией вообще. Если ценности кшатриев имели духовный окрас (ценности силы воли, дисциплины, верности государству, Богу, родине), то ценности вайшьев сугубо материальны - это ценности выгоды, а сама традиция мыслится скорее как антиценность, которая только мешает извлекать прибыль и наращивать производство. Формируется классовое общество, разделение которого больше не основывается по принципу владения сакральным знанием и не по принципу личной военной доблести, а только лишь на основании обладания материальным богатством.

Но существует и последний этап упадка традиционного знания в обществе - когда власть вайшьев перехватывают шудры или рабочие. Генон и Эвала находят в истории начало этого этапа вместе со складыванием марксистской материалистической философии и первыми коммунистическими революциями в Европе. При всём негативном отношении традиционалистов к касте торговцев, они отмечают что тем был

свойственен некий азарт и несмотря на то что купец был лишен духовного религиозного чувства, его восприятие не было абсолютно плоским, он умел чувствовать и различать социальную дистанцию, ему также был свойственен авантюризм, умение рисковать и гибкий ум. Шудра же оказывается лишен и таких характеристик. В обществе рабочего отсутствует иерархия, чувство традиции. Единственные ценности рабочего - это комфортное существование и ненависть к иерархии. Общество шудр также мыслит мир только в терминах экономики, а его этическая составляющая сводится лишь к ресентименту агрессивно направленному на любое отличие. Для рабочего также основной ценностью становится труд в контексте постоянно прикладываемого физического усилия. Талант, ум и развитые навыки в список ценностей рабочего не попадают, так как провозглашаемая коммунистами диктатура пролетариата оказывается агрессивно настроенной в том числе и против подавленной, закрывшейся от внешнего мира интеллигенции.

Низведение двух высших каст и ситуация борьбы двух низших каст с тенденцией к усилению власти самой низшей касты, по традиционалистам является синонимом упадка современного мира и его прямой причиной. В одном из своих трудов, Эволя, можно утверждать, подытоживает весь путь современной западной цивилизации: «Современная цивилизация, вернувшаяся к этой «рационалистической» причуде, напротив стремится устраниТЬ и опорочить всё, связанное с экзистенциальным напряжением, героизмом и животворящей силой мифа, ради торжества «социального» (а не политического) идеала физического благополучия»²⁷.

²⁷ Эволя Юлиус / Фашизм: критика справа. - М.: Опустошитель, 2015. - 28 с.

§4. Традиционализм и фашизм²⁸

Крайняя нелюбовь традиционалистов к коммунистическим, социалистическим и рабочим движениям послужила основанием для симпатий среди руководств стран Оси в Европе к традиционалистам. В результате чего стали возможны утверждения о том что традиционализм практически является синонимом фашистской идеологии. Однако, сами традиционалисты рассматривали фашизм и нацизм как продукты материалистической эпохи, с той лишь разницей, что у перечисленных крайне правых движений присутствует ностальгия по прошлому и любовь к воинской этике.

Юлиус Эвола рассматривал фашистскую идеологию как продукт своей эпохи, как реакцию на буржуазное и надвигающееся социалистическое общество. Традиционалисты отмечали стремление нацизма и фашизма к увеличению роли религии в обществе и к её защите, однако, по мнению итальянского философа, этого было недостаточно, с другой стороны, сама религия в фашистском государстве понималась как нечто что должно подчиняться интересам государства и служить ему. Подобная установка являлась антитрадиционалистской. С другой стороны, Эвола также отмечал крайнюю расплывчатость религиозной программы итальянского фашизма, он пишет об этом: «С одной стороны Муссолини, постоянно отстаивал за фашизмом «религиозную» ценность; с другой, он никогда не уточнял, что, собственно, составляет сущность этой религиозности, как она связана с политической идеей и чем, следовательно, отличается от обычного, расплывчатого благоговения перед сверхъестественным»²⁹.

Эвола также обращал внимание на патриотический элемент фашизма. С точки зрения традиционализма чувства лояльности и приверженности

²⁸ В некотором роде символичным является тот факт, что традиционалистов также упрекали в том что они способствовали становлению фашистской идеологии, как и Ф.В.Ницше. Поэтому данный параграф будет полезным для текущего исследования

²⁹ Эвола Юлиус / Фашизм: критика справа. - М.: Опустошитель, 2015. - 30 с.

несомненно являются добродетелями кшатриев или рыцарей, отсюда вырастала надежда традиционалистов в возврате к старым ценностям, ценностям кшатриев. С другой стороны, фашизм являлся модернистским движением и ему также было многое свойственно от духа современности. Например, фашизм включал в себя некоторые социалистические элементы и обращался к коллективистским ценностям³⁰, которые рассматривались традиционалистами как однозначно негативные. Именно поэтому, патриотизм фашистов трактовался Эволой двояко: «<...> в патриотическом пафосе всегда есть нечто коллективистское: он пронизан тем, что называют «стадным чувством» »³¹.

Тоталитарность фашистской идеологии также становится объектом критики итальянского философа, он утверждает что традиционализм и тоталитаризм абсолютно несовместимы, что сами принципы традиционного общества не тотальны. ЭвOLA утверждает следующее: «Традиционное государство органично, а не тоталитарно. Оно строится на иерархической основе и допускает существование частичной автономии. Оно координирует и сплачивает в высшем единстве силы, за которыми, однако, признают свободу»³². С другой стороны, итальянский фашизм манифестировал верховенство государства, его абсолютность. Для итальянских фашистов государство являлось конечной целью и самоценностью, которая освещала все остальные ценности. Для традиционалистов данное положение было неприемлемо. В традиционном обществе государство не является конечной целью, оно оказывается «вписано» в традицию. С другой стороны, самоценностью в нём обладает лишь религиозное, трансцендентное откровение. Также ЭвOLA указывает на то что тоталитаризм - прерогатива

³⁰ С другой стороны, традиционалисты негативно относились и к противоположным ценностям коллективизма ценностям индивидуализма. С их точки зрения, каждая из этих ценностей являлась крайностью присущей современности.

³¹ ЭвOLA Юлиус / Фашизм: критика справа. - М.: Опустошитель, 2015. - 32-33 с.

³² Там же. 35 с.

коммунистической политической системы и что фашисты заимствуют его именно у советского, а именно материалистического государства, что также противоречит принципам традиционалистов. «Лишь в технократическом и материалистическом государстве социалистического типа систематическое вмешательство государства может стать принципом»³³.

Х.Т.Хансен в своей работе посвящённой биографии Ю.Эволы³⁴ повествует о том что на начальном этапе строительства итальянского фашистского государства, итальянский философ связывал с ним надежды на восстановление традиционных элементов в обществе, однако, его быстро настигло разочарование. Несмотря на то что Эвола состоял в непосредственном контакте с высшим руководством фашистской Италии, оно продемонстрировало невосприимчивость к идеям традиционалистов. В результате чего Эвола ещё при жизни оказался в уникальной ситуации противопоставления себя фашистам, однако, не попадая в опалу. Касательно же воззрений Р.Генона на фашизм, можно утверждать что французский философ был аполитичен и своих трудах фашизм не рассматривал.

³³ Там же. 36-37 с.

³⁴ Хансен Х. Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. - Воронеж-Москва: TERRA FOLIATA. 2009. - 176 с.

III глава. Концепты Ницше в философии традиционализма

§1. Вечное возвращение и представление о циклическом времени

Одним из общих элементов философии традиционализма и взглядов Ф.В.Ницше является идея вечного возвращения или циклического времени. В контексте философии традиционализма эта идея разворачивается как представление о том что существует особая модальность времени, называемая сакральной, в которой существуют повторяющиеся этапы «расцвета» и «упадка», постоянно приходящие друг другу на смену подобно временам года. Традиционалисты рассматривают подобное циклическое сакральное время в религиозном контексте, относя его к общему мотиву любых религиозных взглядов или мифологий. Традиционалисты радикально противопоставляют циклическое время линейному пониманию времени, которое является обыденной трактовкой времени современного человека.

Эвала особо подчёркивает, что восприятие человека традиции и современного человека крайне отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как тождественные: «Традиционный человек не обладал тем же восприятием времени, что современный; он обладал надвременным чувством, и в этом чувстве жили все формы его мира»³⁵. Другое восприятие времени является одним из фундаментальных отличий человека традиции от человека современного.

Подобное различие восприятия времени у людей разных эпох отмечалось не только традиционалистами, но и другими философами, например Освальдом Шпенглером, который как и традиционалисты посвящал свои работы выявлению отличий между современным обществом и древними культурами. Так, например, известна следующая его цитата: «Но античная культура не обладала памятью, историческим органом в этом

³⁵ Эвала Ю. Восстание против современного мира - М.: Прометей, 2016. - 11 с.

специфическом смысле»³⁶. Шпенглер также как и традиционалисты большое внимание уделяет различию в восприятии времени, поэтому он оказывается полезен для текущего исследования. В вышеприведённой цитате Шпенглер, в контексте всей своей работы, подразумевает что у древнего человека (античного в частности), не было представления о времени как о времени фрагментарном, линейным и делимом. Подобное же представление он приписывает мышлению современного европейца.

Традиционалисты также рассматривали современного человека, как человека, который воспринимает время фрагментарно и линейно. Современному человечеству свойственна идея прогресса, в то время как человек традиции воспринимает время как нечто замкнутое само в себе, как нечто что способно самоповторяться. По Шпенглеру же человек древности не воспринимал время *концептуально* как современный человек. «Для Геродота и Софокла, как и для Фемистокла и какого-нибудь римского консула, прошлое тотчас же улетучивается в некое вневременно покоящееся впечатления *полярной, не периодической* структуры <...>, тогда как для нашего мирочувствования и внутреннего взора оно оказывается периодически ясно расчленённым, целеустремлённым организмом, насчитывающим столетия или тысячелетия»³⁷. Стоит добавить что в данной цитате Шпенглер описывая время в качестве «*полярной, не периодической* структуры» отнюдь не противоречит определению циклического времени, так как здесь немецкий философ подразумевает, что восприятие времени древнего человека (эллина в примерах приводимых самим немецким философом) было лишено чувства дистанции. «То что грек называл космосом, было картиной мира, не становящегося, а сущего. Следовательно, сам грек был человеком, который никогда не становился, а всегда был»³⁸.

³⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. - М.: Мысль, 1993. - 135 с.

³⁷ Там же 135 с.

³⁸ Там же 135-136 с.

Философская концепция времени Шпенглера не противоречит идеи традиционалистов о циклическом времени в традиционных обществах, однако, позволяет детализировать концептуальную связь между ницшеанской идеей вечного возвращения и представлениями о циклическом времени у традиционалистов. Не лишним будет также упомянуть и то что сам О.Шпенглер в предисловии к «Закату Европы» заявлял о своей преемственности философии Ницше и преданности его идеям. «В завершение мне не терпится ещё раз назвать имена, которым я обязан почти всем: Гёте и Ницше. У Гёте я заимствую метод, у Ницше - постановку вопросов <...>»³⁹. С другой стороны, сами традиционалисты (Генон и Эволя) в своих произведениях демонстрируют свою осведомлённость об идеях О.Шпенглера и не один раз ссылаются на «Закат Европы».

³⁹ Там же 126 с.

§2. Ресентимент и мораль рабов в этике традиционализма. Статус христианства и нигилизм

Ницше описывал современный ему мир как эпоху нарастающего нигилизма и данное воззрение соотносится с тем как традиционалисты рассматривали современность. Современность мыслилась ими как эпоха упадка и забвения истин традиционной мудрости. Это своеобразная эпоха обесценивания всего и вся, что совпадает с определением эпохи Ницше как эпохи нигилизма.

Но Ницше и традиционалисты описывают современность в разных контекстах. Для Генона она является скорее эпохой религиозного упадка. Традиционалисты обращают своё внимание в первую очередь на забвение эпохой религиозных доктрин, на их дискредитацию. Ницше же обращает внимание только на этический аспект и направляет свою критику в том числе и в сторону христианской религии.

Однако, некоей промежуточной позицией между воззрениями Генона и Ницше на современность можно назвать позицию Ю.Эволы, который рассматривал данную эпоху как время упадка, порождённого христианской моралью. Сами же воззрения Эволы на этику христианства практически идентичны ницшеанским. В своих работах он сам множество раз подчёркивает что заимствует свой взгляд на христианскую мораль у Ф.В.Ницше, однако, ввиду традиционалистских воззрений, Эволя признаёт недопустимость критики метафизических положений христианской религии и в том числе фиксирует момент двойственности этических доктрин католической версии христианства, допускающей агрессивный прозелитизм и крестовые походы, что для итальянского философа является скорее положительным моментом в этике христианства, нежели отрицательным.

Однако, уникальность христианства по отношению к традиционному знанию вообще фиксировал ещё Р.Генон в своей работе «Очерки о

христианском эзотеризме»⁴⁰. Так, Генон отмечает что христианство изначально обладало лишь инициатическим уровнем, но не имело уровня экзотерического, то есть христианство изначально не было религией в полном смысле слова. Этот момент легко раскрывается на том примере что в отличие от других авраамических религий, христианство не имело предписывающего религиозного догмата устанавливающего социальный порядок. Например, аналогом такого закона в исламе является шариат. Генон проговаривает этот момент в одной из своих работ посвященных христианству: «<...> совершенно очевидно, что в Евангелии мы не обнаруживаем никакого предписания, которое могло бы действительно рассматриваться как закон в собственном смысле этого слова»⁴¹. Христианство же предлагало этику, эзотерическую систему, но не предлагало никакого общественного закона. В итоге, по Генону, это создало некоторую двойственность: христианская религия, по сути, принимала светский закон. Собственно, христианство распространялось внутри Римской империи, не противопоставляя себя её законодательству, а все конфликты христиан с римской администрацией - это следствие противоречия этики религии с конкретными римскими законами⁴², но не с римским законом вообще.

Как упоминалось выше, Ницше рассматривал христианскую мораль как проводник ресентимента, а христианскую цивилизацию как проводник нигилизма, в свою очередь, традиционалисты рассматривали христианскую цивилизацию как цивилизацию, запустившую процесс упадка традиционного знания. Однако, Генон всё же относился к христианской *религии* как к хранительнице традиционного знания, но французский философ указал на те

⁴⁰ Генон, Рене. Царь мира = Le roi du monde ; Очерки о христианском эзотеризме = Aperçus sur l'ésotérisme chrétien / Рене Генон ; [пер. с фр. Н. Тирос]. - Москва : Беловодье, 2008. - 224 с

⁴¹ Там же. 118 с.

⁴² Например, христиане в Римской империи отказывались приносить жертвоприношения римскому императору как божественной фигуре, так как это противоречило религиозным убеждениям о том что существует только один Бог. Но сами по себе религиозные убеждения не запрещали христианам подчиняться римскому, т.е. светскому закону и служить императору. В частности, этот момент находит своё подтверждение не только у Р.Генона, но и в множестве других источников, например, в работе В. Болотова "Три первые века христианства".

аспекты христианства, которые могли способствовать разложению западной цивилизации до материализма и секулярных, т.е. «профанных» форм культуры.

Р.Генон отмечает, что христианская традиция не имела собственного священного языка и в одной из своих работ даёт множество развёрнутых комментариев по данной проблематике: «Отсутствие священного языка в христианстве представляется ещё более поразительным, когда мы замечаем, что даже и в том что касается еврейского Священного Писания, оригинальный текст которого существует, оно «официально» пользуется лишь греческим и латинскими переводами»⁴³. Отправной точкой аргументации Генона в доказательство тезиса об отсутствии в христианстве священного языка является тот парадоксальный момент, что канонические переводы Нового Завета записаны не на том языке, на котором говорил Христос. Французский философ в своих рассуждениях упоминает даже о таком абсурдном моменте, что Новый Завет заново переводился на языки библейских событий с т.н. канонических переводов: «Что же до Нового Завета, то мы знаем, что его текст известен лишь на греческом и что именно на основе последнего были сделаны все остальные переводы, даже на древнееврейский и сирийский»⁴⁴.

Отсутствие у христианства священного языка выделяет его среди других форм традиционного знания, но Р.Генон также отмечал, что «<...> христианские ритуалы представляются в каком-то смысле «экстериоризацией» инициатических ритуалов <...>»⁴⁵. Здесь французский философ подразумевает, что большинство известных нам христианских ритуалов на самом деле являются копией настоящих христианских эзотерических ритуалов. Иными словами, подобные «овнешнённые» ритуалы

⁴³ Генон, Рене. Царь мира = Le roi du monde ; Очерки о христианском эзотеризме = Aperçus sur l'ésotérisme chrétien / Рене Генон ; [пер. с фр. Н. Тирос]. - Москва : Беловодье, 2008. - 113 с.

⁴⁴ Там же - 113 с.

⁴⁵ Там же - 115 с.

имеют гораздо более упрощённое значение, нежели оригинальные обряды христианской религии, которые, по мнению Генона, могли сохраниться лишь в закрытых христианских организациях. Традиционализму свойственно убеждение, что подлинное традиционное знание - удел закрытых каст или элит, а все массовые формы подобного знания будут неизбежно страдать от упрощения и больших смысловых потерь. В форме подобного массового религиозного знания Генон и рассматривает христианскую религию, демонстрируя это на примере крещения, которое должно было неизбежно производиться над каждым вступающим в христианскую религию, в то время как подлинный инициатический ритуал «сообщает тем, кто получает её (инициацию), свойства, которые приобретаются раз и навсегда и которые поистине не стираемы»⁴⁶. Генон утверждает что обряд крещения в современном христианстве выродился в обычный обряд вхождения в религию и никакого другого смысла в себе не несёт.

С другой стороны, подобное «овнешнение» для христианства было необходимо для сохранения религиозности в западном мире вообще. Генон утверждает, что «... если бы христианство не спустилось в область экзотерическую, то этот мир весь целиком вскоре лишился бы всякой традиции»⁴⁷. Данный момент французский философ связывал с тем что традиции распространённые в римском мире глубоко деградировали, а именно превратились лишь в форму суеверий.

Таким образом, все четыре вышеперечисленных Геноном специфических особенностей христианства - таких как отсутствие предписывающего религиозного социального догмата, терпимость к светскому законодательству, отсутствие священного языка и «овнешнение» ритуальной составляющей в пользу массовости - всё это, с точки зрения традиционализма, открыло дорогу для формирования секулярной культуры, которая противопоставила себя традиционному миру и способствовала его

⁴⁶ Там же - 120 с.

⁴⁷ Там же - 122 с.

упадку и дальнейшему забвению. Всё вышеперечисленное позволяет сделать допущение о том, что христианство послужило проводником нигилизма, что в своём роде роднит позицию традиционалистов с позицией Ф.В.Ницше.

Небезынтересным также представляется тот факт, что Генон называл христианство «сентиментальной религией» и отмечал большое влияние моральной философии внутри христианской системы, что также выделяло христианство на фоне остальных религиозных традиций. Ф.В.Ницше также мог бы согласиться с Р.Геноном, так как сам немецкий философ в первых главах «Генеалогии морали» очень часто отождествляет христианство с ресентиментной моралью и с моралью вообще.

В третьем параграфе первой главы упоминалось о центральном месте еврейского народа в бунте против римской власти, в философском творчестве Ф.В.Ницше, который вылился в становление христианства и христианской морали. Поворот к еврейской проблематике можно также наблюдать и у Ю.Эволы и хотя критика еврейства у него носит более масштабный характер нежели в творчестве Ницше, ЭвOLA склонен оценивать традиционный иудаизм и каббалу как позитивные явления. Можно сказать что итальянский философ не был склонен рассматривать данную проблематику только с одного ракурса. Однако, Х.Т.Хансен в своей монографии посвящённой жизненному и творческому пути Эволы, утверждает следующее: «Главным образом мыслитель критикует евреев как символ засилья экономически-материалистического индивидуализма и гегемонии денег. <...> Так, он говорит о раболепствующем лицемерии евреев, их сребролюбии и желании уничтожить общество, построенное на иерархии, а также о еврейской угрозе в целом»⁴⁸. Хансен делает оговорку, что ЭвOLA был зависим от господствующих в своей среде оценок еврейства, поэтому предупреждает, что не стоит рассматривать заявления о «сребролюбивости» еврейства как

⁴⁸ Хансен Х. Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. - Воронеж-Москва: TERRA FOLIATA. 2009. - 126-127 с.

один из мотивов в творчестве итальянского философа⁴⁹. Несомненно, здесь стоит заострить внимание на том что Эвала рассматривал евреев в первую очередь как тех, кто содействовал разложению традиционной иерархии, отсылая к в первую очередь к христианству, а затем и к капитализму и марксизму.

Можно утверждать что Ницше и философы-традиционисты оценивали христианство критически, однако, с разных позиций. В целом их оценки имеют больше общего нежели различного, с той лишь разницей что традиционисты, в отличие от немецкого философа, не отвергали христианство вообще. Для них христианская религия обладала ценностью, с поправкой на особое положение европейской религии. Также стоит отметить, что и у Ницше, и у традиционистов созвучны воззрения на общественную иерархию. Для исследуемых в данной работе философов, кастовость не подвергается негативной оценке, с другой стороны также имеется практически тождественный критический взгляд на идеалы равенства и демократии.

⁴⁹ Впрочем, традиционисты поддерживают утверждение о том что евреи в средние века и новое время представляли собой купеческое, которое во времена Великой французской Революции перехватило власть у аристократического сословия. Отсюда следует что евреи содействовали разложению традиционной иерархии именно как торговое, а следовательно и "сребролюбивое" сословие.

§3. Сверхчеловек, мораль господ в этике традиционализма. Аристократия

Интересно сопоставить ницшеанского сверхчеловека и человека традиции находящегося в современности, о котором повествуют Эволя и Генон. Сверхчеловек - тот, кто подвергает ценности переоценке. Человек традиции (или как человек типа, как называет его Эволя) в современности - это личность противопоставляющая свои ценности - ценностям современности, в самом фундаментальном смысле. Иными словами человек типа переоценивает современность, её ценности, чтобы прийти к ценностям традиции. Момент переоценки является общим как для сверхчеловека, так и для человека традиции, при том переоценка происходит самым фундаментальным образом, не на формальном, а на бытийственно-экзистенциальном уровне.

С ницшеанским понятием сверхчеловека также коррелирует то как Эволя описывал аристократию в традиционном обществе: «В начале же аристократия и королевское величие были основаны на характере, чистоте крови, чести, храбрости и верности, на *noblesse d'epree*⁵⁰ и на *noblesse de coeur*⁵¹. В более поздние времена возникло плебейское восприятие аристократии, которое отрицает даже привилегии крови и традиций»⁵². Эволя склонен биологизировать понятие аристократии, однако, для текущего исследования важным является тот момент, что аристократия понимается традиционалистами также как группа людей, которая изначально была возвышена над остальными благодаря своему характеру, храбрости и «*noblesse de coeur*» или благородстве сердца, как утверждает итальянский философ.

Очевидно, что ницшеанский сверхчеловек описывался также как

⁵⁰ "Благородство шпаги" (фр.), также выражение обозначает дворянство, приобретённое военной службой.

⁵¹ "Благородство сердца" (фр.)

⁵² Эволя Ю. Восстание против современного мира - М.: Прометей, 2016. - 66-67 с.

персона обладающая большой жизненной мощью, храбростью и характером. Однако, примечательным является также тот момент, который Эвола выделял у аристократии как «благородство сердца». Ницшеанский сверхчеловек обладает избытком энергии и согласно Ницше, благодаря наличию избытка он становится способным «одаривать» других людей, однако, для него не является самоцелью подобное «одаривание», так как сверхчеловек живёт и действует вне морали. Смысл сверхчеловеческого «одаривания» практически равнозначен тому, который Эвола вкладывает в понятие благородства сердца.

Однако, стоит сделать замечание о том что ницшеанский сверхчеловек и аристократ Эволы не смотря на схожие мотивы наличествующие в их описании, всё же не являются тождественными фигурами и, в целом, употребляются в различных контекстах. Здесь рассматривалось понятие аристократии, какой её Эвола представлял себе в традиционном обществе, поэтому стоит отдавать отчёт в том что он употребляет это понятие не только в духовном аспекте, но и в историческом контексте. Поэтому фигура аристократа у него может трактоваться не только как архетип, но и как социологическая категория.

Ницшеанский же сверхчеловек рассматривался немецким философом только как духовных феномен, который невозможно рассматривать социологически. С другой стороны, фигура сверхчеловека - это та, которая только должна появиться. Самое знаменитое изречение Ницше о сверхчеловеке, высказываемое Заратустрой звучит следующим образом: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти»⁵³. В то время как аристократ Эволы - это фигура прошлого, при том крайне далёкого от современности.

Те «архетипы» о которых в положительном ключе повествуют как Ницше, так и Эвола противопоставляются фигуре плебея. Если когда мы говорим о традиционалистах, мы подразумеваем кастовое членение

⁵³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с нем. Ю. Антоновского. - СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. - 8 с.

общества, полярными кастами которого будут являться благородная аристократия и плебеи, то в философии Ницше мы встретим такие же две полярные категории, о которых он упоминает в аспекте благородной и плебейской морали. И если в двух вышеперечисленных системах могут существовать разнотечения касательно того что и кого относить к благородному, то оценки касательно плебейского в обеих философских системах идентичны. Можно смело утверждать, что Эвола практически полностью заимствует отношение к плебейскому и его определения у Ницше, разве что добавляя своюственную традиционализму оценку низкого как профанного, т.е. оторванного от трансцендентного знания человеческого уровня.

Также практически идентичную традиционалистским политическим взглядам на левый сектор политического дискурса мы находим у Ницше, которая в обеих системах связывается с низменным и плебейским: «Кто поручится за то, что современная демократия, ещё более современный анархизм и именно эта склонность к «*commune*», к первобытной общественной форме, общая теперь всем социалистам Европы, не является ужасной отрыжкой прошлого - и что раса победителей и господ арийского подавлена и физиологически?»⁵⁴. Стоит также добавить, что согласно традиционалистам, любая идеология строящаяся на примате материального неизбежно является в том числе плебейской, что также соотносится с вышеприведённым высказыванием немецкого философа.

⁵⁴ Ницше Ф. Генеалогия морали / Пер. с нем. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. - 23-24 с.

Заключение

В данной работе было проведено исследование о взаимосвязи традиционализма и учения Ф.В.Ницше. Можно утверждать, что Ю.Эволя хорошо знаком с ницшеанским учением. С другой стороны, в трудах Р.Генона также можно наблюдать мотивы родственные ницшеанским. В первую очередь это представления о циклическом времени, которые соотносятся с идеей о вечном возвращении Ницше. Также это взгляд на историю как на некий регресс, усугубление упадка с течением времени. Христианство тоже выделяется как особый культурный феномен, который как Ницше, так и традиционалисты рассматривают в качестве одного из источников вышеназванного упадка. Мотивы ницшеанской этики сверхчеловека также присутствуют в философских текстах традиционалистов.

Генон указывает на то что человек традиции не измышлял время в терминах современного человека. Это значит, что он воспринимал время нерасчленённым, слитно, благодаря чему оно мыслилось как постоянное возвращение. Хронология в современном понимании у древних людей не существовало, поэтому они жили во времена, когда существовало бесконечное прошлое и бесконечное будущее, в следствие чего, возможным оказывалось повторение событий, или если говорить языком Ницше - вечное возвращение. Отсюда, по логике Генона, проистекает восприятие традиционными культурами времени как постоянно становящихся и чередующихся между собой циклов, эпох, когда за упадком следует расцвет и наоборот.

Ницше утверждал что современная культура ресентиментна, что современный человек больше не благороден. Традиционалисты также говорили о вырождении многих положительных, благородных, аристократических качеств в человеке. Однако, они связывали это в первую

очередь с упадком кастовой системы. Так, например, переходила власть от жрецов к воинам, а от воинов к купцам. В результате чего нарушилась связь с трансцендентным, а высокое понимание реальности утратилось и стало уделом закрытых сект. Р.Генон и Ю.Эволя солидарны в своих оценках в том что процесс упадка традиции начался с христианства. Генон фиксирует два связанных с этим момента. Христианская религия не имела собственного священного языка. С другой стороны, христианство с самого момента своего зарождения существовало параллельно со светским законом. Ницше же связывает христианство с началом становления рабской морали, он утверждает что христианство - это религия морализаторов. С этой оценкой солидарен и Р.Генон, который полагал что христианство - это сентиментальная, чувственная религия, которая с течением веков выродилась в морализм. Итого можно утверждать что и традиционалисты, и Ницше едины в оценке христианства как явления, с которого начинается упадок западной цивилизации, её вырождение.

Важным для текущего исследования является также и концепт ницшеанского сверхчеловека. По Ницше, это фигура наделённая большой личностной силой, но лишённая рабской морали, ресентимента. Вокруг такой фигуры органически выстраивается социальный порядок. Точно также оценивал роль древней аристократии в традиционном обществе Ю.Эволя. Однако, аристократ Эволы - это фигура далёкого прошлого, когда сверхчеловек, по мнению Ницше, ещё только должен прийти. С другой стороны, для обеих философских систем существует схожий мотив сильной личности.

Перечень использованной литературы:

1. Болотов В. Три первых века христианства / Василий Болотов. - М.: Ломоносовъ. - 2015. - 216 с. - (История. География. Этнография).
2. Визгин В. П. Философия Ницше в сумерках нашего сегодня // www.nietzsche.ru/around/russia/vizgin, 19.03.16
3. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть = Autorité spirituelle et pouvoir temporel / Рене Генон: к пониманию одного сложного человека = René Guéno: Approche d'un homme complexe / Жан Урсен; [пер. с фр. Н. Тирос]. - Москва.: Беловодье, 2015. - 208 с. - (Избранные произведения). - Данные тит. л. частично парал. фр.
4. Генон Р. Кризис современного мира. Перевод Н.В.Мелентьевой под редакцией А.Г.Дугина. Послесловие - «Пророк Золотого Века» А.Г.Дугина. - М.: Историко-религиозная ассоциация «АРКТОГЕЯ», 1991. - 160 с.
5. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / Пер. с фр. В.Ю.Быстрова - СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. - 320с.
6. Генон, Рене. Царь мира = Le roi du monde ; Очерки о христианском эзотеризме = Aperçus sur l'ésotérisme chrétien / Рене Генон ; [пер. с фр. Н. Тирос]. - Москва : Беловодье, 2008. - 224 с. - Данные тит. л. частично парал. фр.
7. Делез, Жиль Ницше / Пер. с франц., прим. и послесловие С.Л. Фокина. - СПб., Machina, 2010. - 172 с. (Критическая библиотека)
8. Немировская Л. З. Ницше: мораль «по ту сторону добра и зла» (Из цикла «История этических учений»). — М.: Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Этика»; № 6).
9. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. - 448 с.
10. Ницше Ф. Генеалогия морали / Пер. с нем. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. - 224 с.
11. Ницше Ф. Падение кумиров: Сборник / Пер. с нем. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - 224 с.

12. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Пер. с нем. Г.А.Рачинского. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - 208 с.
13. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1.-693с.
14. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.-702с.
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с нем. Ю. Антоновского. - СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. - 352 с.
16. Новик Иван. Идея смерти Бога в философии Ницше // <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/etika/novik>, 22.03.16
17. Радеев А.Е. Ницше и эстетика. - Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2013. - 304 с.
18. Соловьёв Владимир Идея сверхчеловека // <http://vehi.net/soloviev/sverhchel.html>, 26.03.16
19. Хансен Х. Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. - Воронеж-Москва: TERRA FOLIATA. 2009. - 176 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. - М.: Мысль, 1993. - 663, [1] с., 1 л. портр.
21. Эволя Ю. Восстание против современного мира - М.: Прометей, 2016. - 476 с.
22. Эволя, Юлиус Мистерия Грааля. - воронеж: TERRA FOLIATA, 2013. - 216 с.
23. Эволя Юлиус / Фашизм: критика справа. - М.: Опустошитель, 2015. - 282 с.
24. Юнгер Фридрих Георг Ницше / Пер. с нем. А. В. Михайловского - М.: Практис, 2001. - 256 с. - (Серия «Идеологии»)